

УДК 340.316.62

Лавринов Илья Андреевич, специалист, Самарский государственный экономический университет, г. Самара.

Сквозников Александр Николаевич – научный руководитель, к.ист.н, доцент, Самарский экономический университет, г. Самара.

ПРАВО ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ЦИФРОВОЙ ДЕГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье исследуется феномен цифровой дегуманизации — постепенной утраты человеком субъектности и индивидуальности в условиях интенсивного проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь. Автор обосновывает актуальность проблемы, опираясь на статистические данные (в частности, рост доли интернет пользователей до 67 % к 2025 году) и развитие передовых технологий (искусственный интеллект, нейротехнологии, big data), которые усиливают риски объективации личности и алгоритмической дискриминации. Право должно стать гарантом сохранения гуманистических ценностей, обеспечивая баланс между технологическим прогрессом и защитой человеческой субъектности.

The article examines the phenomenon of digital dehumanization — the gradual loss of human subjectivity and individuality in the context of the intensive penetration of digital technologies into everyday life. The author substantiates the relevance of the problem by referring to statistical data (in particular, the increase in the share of internet users to 67 % by 2025) and the development of advanced technologies (artificial intelligence, neurotechnologies, big data), which amplify the risks of personal objectification and algorithmic discrimination. The law must become a guarantor of preserving humanistic values, ensuring a balance between technological progress and the protection of human subjectivity.

Ключевые слова: цифровая дегуманизация, права человека, цифровой суверенитет, искусственный интеллект, защита персональных данных,

алгоритмическая дискриминация, правовое регулирование технологий.

Keywords: digital dehumanization, human rights, digital sovereignty, artificial intelligence (AI), personal data protection, algorithmic discrimination, legal regulation of technologies.

В современных реалиях цифровой трансформации общества особую научную значимость приобретает проблема цифровой дегуманизации — этот феномен обусловлен тем, что человек постепенно утрачивает свою индивидуальность и субъектность в условиях взаимодействия с цифровыми системами. Суть заключается в том, что личность становится набором цифровых данных (например, профиль в социальной сети или записи в базе данных), поведенческие сценарии человека подчинены алгоритмическим шаблонам (через механизмы рекомендательных систем и персонализированного контента), в то время как традиционные способы самоидентификации и самоопределения оказываются размытыми [1].

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, среди которых: неуклонный рост проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь: согласно исследованиям Международного союза электросвязи (ITU)¹, к 2025 году доля интернет-пользователей достигла 67 % от общего числа жителей планеты, это создаёт масштабное цифровое пространство, оказывающее существенное влияние на формирование поведенческих паттернов. Во-вторых, происходит интенсивное развитие передовых технологических решений, таких как: искусственный интеллект, нейротехнологии и методы анализа больших данных [2]. Данные программы объединяются в мощные инструменты, позволяющие не только с высокой точностью прогнозировать поведение человека, но и активно влиять на его решения, превосходя по эффективности традиционные социальные механизмы воздействия.

¹ Царегородцев, А. В. Цифровой суверенитет: актуальные проблемы и решения / А. В. Царегородцев, С. В. Романовский. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 209 с.

Одной из самых главных проблем относительно цифровой дегуманизации является угроза нарушения фундаментальных прав и свобод человека. Например, самым первым будет право на неприкосновенность частной жизни (ст. 12 ВДПЧ)², свобода мысли и совести (ст. 18 ВДПЧ), а также основополагающий принцип уважения человеческого достоинства, зафиксированный в преамбуле ЕКПЧ³ [3].

В связи с выявленной проблематикой темы, основной целью нашего исследования является анализ существующих правовых механизмов, направленных на противодействие негативным проявлениям цифровой дегуманизации, а также разработка научно обоснованных предложений по их совершенствованию с учётом динамики технологического развития.

Перейдем к непосредственному анализу основного понятия в рамках нашей темы: цифровая дегуманизация — это постепенный процесс, при котором человек теряет важные черты своей личности из-за того, что цифровые технологии всё глубже проникают в повседневную жизнь. То есть, мы говорим о том, что свобода выбора, осознание себя как самостоятельной личности, право на личную жизнь и независимость в принятии решений, являются неотъемлемыми правами человека [4].

Приведем сравнительное отличие цифровой дегуманизации от прежних форм (например, в тоталитарных государствах) в том, что она действует не через открытое принуждение, а незаметно, системно. Она проявляется в трёх формах: когда наше поведение подстраивают с помощью алгоритмов, когда человека сводят к набору цифровых данных, когда живое общение заменяют виртуальными копиями и симуляциями. Главный риск состоит в том, что человек всё меньше контролирует свои поступки, решения и даже то, кем он себя считает, когда находится в цифровой среде [5].

² Всеобщая декларация прав человека (официальный текст) / Права человека. — М.: Права человека, 1996. — 16 с.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция) / Совет Европы. — Москва : Права человека, 1996. — 32 с.

Сам феномен цифровой дегуманизации несет в себе множество последствий, в том числе среди которых выявлен ряд особенностей:

Во-первых, человек становится всё чаще воспринимают как набор данных. Это может быть большой спектр данных: его поисковые запросы, местоположение, покупки, активность в соцсетях (лайки, репосты, список друзей) или биометрические характеристики (лицо, голос, походка). В результате ценность человека начинают определять не его личные качества, а установленные цифры и показатели — это и есть объективация личности в современном мире.

Вторым наиболее частым вопросом является проблемы с алгоритмической дискриминацией. Искусственный интеллект, обученный на данных с какими-либо предубеждениями или стигмами, начинает их повторять и усиливать. Приведем наиболее популярный пример: человеку могут отказать в кредите из-за «неподходящего» цифрового профиля, отсеивать вакансии на основании места проживания или круга общения, а системы распознавания лиц могут ошибаться из-за расовых или гендерных предубеждений. Учитывая это, становится необъективной оценка системы, а точнее как именно алгоритм пришёл к тому или иному решению — в этом и заключается правовая проблема [6].

В-третьих, в цифровой среде человек нередко является активным участником событий. Он превращается в объект, а точнее потребителя контента, чьё внимание продают рекламодателям; становится объектом прогнозирования, когда алгоритмы предугадывают его действия раньше, чем он сам их осознаёт; или элементом игровой системы, где его мотивируют лайками, рейтингами и уровнями. По итогу у человека ослабевает способность самостоятельно мыслить и принимать решения.

В-четвёртых, страдает защита персональных данных. Из-за повсеместных камер, смартфонов и «умных» устройств складывается ощущение, что за нами установлен постоянный контроль. Данные собирают без явного согласия пользователя — через фоновые приложения и файлы cookies; в том числе из

разных источников формируют полные цифровые профили; даже когда используют биометрию в общественных местах.

Приведем примеры из практики, в которых можем проследить вариант дегуманизации в цифровой среде. В Китае достаточно давно действует система социального рейтинга: гражданам начисляют баллы за «правильное» поведение — например, за оплату кредитов или волонтерство. Если у человека на балансе баллов мало, то он может лишиться доступа к некоторым услугам — например, не сможет купить билет на поезд или устроить ребёнка в хорошую школу. При этом не всегда понятно, как обжаловать решение и по каким именно критериям выставляются оценки [7].

Другим примером является биометрический контроль. В крупных городах Москва и Лондон используют системы распознавания лиц в метро, собирая данные без согласия людей. На собеседованиях иногда применяют программы, которые анализируют эмоции человека по мимике, пытаясь оценить его так называемую «надёжность». Опасность данного решения состоит в том, что биометрические данные невозможно изменить — если человека однажды «пометили», это может преследовать его всю жизнь [8].

Использование таких систем в рамках цифровой дегуманизации является неизбежным «плодом» технического прогресса, в то же время, можно сказать о том, что это является нарушением нашей правовой защиты. Для того чтобы сохранить частную жизнь и права человека в эпоху искусственного интеллекта и больших данных, нам нужно по-новому взглянуть на то, какими должны быть права человека в цифровом мире.

Таким образом, можем сказать о том, что проблема цифровой дегуманизации требует системного правового реагирования. Ниже рассмотрим ключевые механизмы, способные сформировать правовые барьеры человеческой субъектности в цифровой среде.

Одним из приоритетных правил является закрепление «Цифрового суверенитета», которая может заключать в себе несколько базовых прав [9]:

1. Право на контроль над персональными данными. Данная мера предполагает не декларативную, а реальную возможность субъекта: определять круг лиц, имеющих доступ к его данным; устанавливать сроки хранения информации; требовать полного удаления данных («право на забвение») с гарантией исполнения. Необходимость введения данного принципа «явного согласия» — любое использование данных должно сопровождаться чётким, недвусмысленным согласием субъекта, оформленным в понятной форме (без «мелкого шрифта» и скрытых опций);

2. Право на отказ от цифровизации ключевых процессов. Эта мера защищает фундаментальные аспекты человеческой жизни от обязательной цифровизации. Она включает: сохранение нецифровых альтернатив в сферах, затрагивающих базовые права (образование, медицина, социальное обеспечение, голосование); запрет на дискриминацию лиц, предпочитающих офлайн-взаимодействия; гарантированный доступ к услугам без обязательной биометрической идентификации или цифрового профиля.

3. Право на ментальную неприкосновенность. Главной задачей будет - защита когнитивной автономии. Оно должно состоять из нескольких направлений: ограничение использования технологий нейромониторинга и психометрического профилирования без согласия; запрет на алгоритмы, целенаправленно эксплуатирующие когнитивные искажения (например, провоцирующие компульсивное поведение); право на «цифровую детоксикацию» — возможность временно отключаться от цифровых систем без негативных последствий.

Также, учитывая современные технологии, обратимся к использованию Искусственного интеллекта (ИИ). В качестве одной из мер для предотвращения дегуманизирующего воздействия ввести обязательную экспертизу ИИ-систем на стадии разработки и внедрения. Механизм должен предусматривать ряд обязательных этапов [10]:

- проверку на наличие предубеждений (расовых, гендерных, социальных) в обучающих данных и выходных результатах;

- анализ влияния системы на автономию пользователя (например, степень манипулятивности рекомендательных алгоритмов);
- оценку рисков объективации личности (сведение человека к набору метрик);
- публичное раскрытие принципов работы алгоритмов в понятной форме.

Также, аудит должен проводиться независимыми организациями с участием экспертов из различных областей (юристов, этиков, психологов, IT-специалистов). Результаты экспертизы включают — обязательное условие для внедрения систем в сферах, затрагивающих права человека (госуслуги, финансы, трудоустройство, здравоохранение).

Повышение зоны и меры ответственности. А также введение ряда санкций за нарушение установленных мер по защите персональных данных от их неправомерного использования и передачи третьим лицам без согласия лица. Данную меру можно реализовать в трех направлениях:

1. Неправомерное использование биометрии. В качестве меры: ввести уголовную ответственность за сбор и обработку биометрических данных без согласия; установить презумпцию запрета на использование биометрии в публичных местах (кроме строго определённых законом случаев); предусмотреть компенсацию за несанкционированное использование биометрии как нематериального актива.

2. Алгоритмическая дискриминация. В качестве меры: признать алгоритмические решения источником повышенной опасности; возложить бремя доказывания отсутствия дискриминации на разработчика системы; ввести штрафы за доказанные случаи предвзятости алгоритмов, пропорциональные выручке компании.

3. Манипулятивные (мошеннические) цифровые практики. В качестве меры: запретить дизайн-решения, эксплуатирующие психологические уязвимости (например, бесконечная прокрутка, принудительные уведомления); ограничить использование «тёмных паттернов» (dark patterns) в

интерфейсах; ввести обязательную маркировку контента, созданного с помощью генеративного ИИ.

В качестве регулятивной меры, одним из способов контроля может выступить создание определенной институциональной системы с рядом полномочий:

- рассмотрения жалоб на дегуманизирующие практики платформ и сервисов;
- инициирования проверок алгоритмов на соответствие этическим стандартам;
- выдачи предписаний о прекращении нарушений (с правом блокировки вредоносных функций);
- представления интересов граждан в судах по делам о цифровой дискриминации.

Также, нами был проанализирован международный опыт по регулированию цифровой дегуманизации. Например, одним из таких документов является утвержденный Регламент ЕС об ИИ (*AIAct*)⁴. В своем содержании он отражает категоризацию систем по уровню риска и запрещает: использование биометрической классификации по чувствительным признакам (раса, религия); социальные рейтинги государственного уровня; манипулятивные алгоритмы, эксплуатирующие уязвимости детей. Основной особенностью является то, что для высокорисковых систем обязателен аудит данных и мониторинг постфактум.

В качестве второго примера приведем Канадский закон о защите личной информации (*PIPEDA*)⁵. В нем закреплён принцип «осмысленного согласия» (*meaningful consent*), который подразумевает требование от организаций объяснять последствия сбора данных простым языком. В нем также предусмотрено право на доступ к алгоритмическим решениям,

⁴ Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (*AIAct*) / Официальный журнал ЕС. — Брюссель : Publications Office of the European Union, 2021. — 120 с.

⁵ *Personal Information Protection and Electronic Documents Act (PIPEDA)* / Canada. — Ottawa : Government of Canada, 2000. — 50 с.

затрагивающим интересы субъекта, и на обжалование автоматизированных выводов.

На этих примерах мы видим, что на международном уровне устанавливаются меры по эффективному противодействию цифровой дегуманизации. Однако, введение таких мер возможно только при сочетании ряда условий: жёстких запретов на наиболее опасные практики; прозрачных процедур оценки рисков; механизмов персональной ответственности разработчиков; инструментов защиты прав граждан в цифровой среде. Ключевой задачей, является сохранение баланса между инновациями и гуманистическими ценностями, где право выступает гарантом сохранения человеческой субъектности.

Подводя итог представленному материалу, можем сказать, что цифровая дегуманизация представляет собой системный анализ современного правопорядка, который требует комплексного правового реагирования. Такая трансформация общественных отношений под влиянием цифровых технологий порождает риски увеличения человеческой субъектности: от редукции личности к массиву данных до алгоритмического воздействия на свободу воли.

Основной вывод проведенного исследования заключается в том, что право не может оставаться пассивным наблюдателем цифровой революции, вызванной техническим прогрессом. Напротив, оно должно выступить гарантом сохранения гуманистических ценностей в новой технологической реальности человечества. Для этого необходим всесторонний переход от фрагментарного регулирования к формированию целостной системы правовых барьеров, защищающих человеческое достоинство в цифровой среде.

Таким образом, право перед вызовом цифровой дегуманизации должно избрать путь активной защиты человеческой субъектности и закрепить их на юридическом уровне. Это предполагает не торможение технологического прогресса, а его перенаправление в русло, где инновации служат развитию

личности, а не подменяют её. Только такой баланс между техническим потенциалом и гуманистическими ценностями способен обеспечить устойчивое развитие общества в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Михайлов, Д. Ю. Правовое регулирование искусственного интеллекта — дегуманизация права? / Д. Ю. Михайлов, А. В. Попова // Образование и право. — 2020. — № 8. — С. 15–20.
2. Казачанская, Е. А. Критика дегуманизации права в современной государственно правовой мысли / Е. А. Казачанская // История государства и права. — 2023. — № 2. — С. 15–20.
3. Топилина, А. В. Дегуманизация как основа нарушения прав человека / А. В. Топилина // Философия права. — 2022. — № 3 (102). — С. 58–62.
4. Гатиятуллина, Э. М. Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние / Э. М. Гатиятуллина // Закон и власть. — 2023. — С. 33–37.
5. Ступка, Е. А. Права человека и цифровизация: угрозы и вызовы / Е. А. Ступка // Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — 2022. — С. 372–375.
6. Романова, И. Н. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере юриспруденции / И. Н. Романова, Т. А. Видова // Вопросы теории и истории права. — 2023. — С. 5–10.
7. Ревякин, С. А. Цифровизация и права человека: амбивалентный характер технологий / С. А. Ревякин // Центр Сергея Ревякина. — 2021. — С. 33–38.
8. Харитоновна, Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта / Ю. С. Харитоновна // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. №2.
9. Латыпова, А. Ф. Искусственный интеллект и международное право / А. Ф. Латыпова // Международный правовой курьер. — 2023. — С. 63–67.

10. Солдатова, В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий / В. И. Солдатова // *Lex Russica*. — 2020. — № 2 (159). — С. 33–43.

References

1. Mikhailov, D. Yu. Legal Regulation of Artificial Intelligence — Is It Dehumanization of Law? / D. Yu. Mikhailov, A. V. Popova // *Education and Law*. — 2020. — No. 8. — P. 15–20.
2. Kazachanskaya, E. A. Criticism of the Dehumanization of Law in Modern State-Legal Thought / E. A. Kazachanskaya // *History of State and Law*. — 2023. — No. 2. — P. 15–20.
3. Topilina, A. V. Dehumanization as the Basis for Violation of Human Rights / A. V. Topilina // *Philosophy of Law*. — 2022. — No. 3 (102). — P. 58–62.
4. Gatiyatullina, E. M. Personal Data Protection in the Context of Digitalization: Evolution and Current State / E. M. Gatiyatullina // *Law and Power*. — 2023. — P. 33–37.
5. Stupka, E. A. Human Rights and Digitalization: Threats and Challenges / E. A. Stupka // *Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin*. — 2022. — P. 372–375.
6. Romanova, I. N. Problems of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Field of Jurisprudence / I. N. Romanova, T. A. Vidova // *Issues of Theory and History of Law*. — 2023. — P. 5–10.
7. Revyakin, S. A. Digitalization and Human Rights: The Ambivalent Nature of Technologies / S. A. Revyakin // *Center of Sergey Revyakin*. — 2021. — P. 33–38.
8. Kharitonova, Yu. S. Legal Means to Ensure the Principle of Transparency of Artificial Intelligence / Yu. S. Kharitonova // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — No. 2.

9. Latypova, A. F. Artificial Intelligence and International Law /
A. F. Latypova // International Legal Courier. — 2023. — P. 63–67.
10. Soldatova, V. I. Personal Data Protection in the Context of Digital Technology Application / V. I. Soldatova // Lex Russica. — 2020. — No. 2 (159). — P. 33–43.